

**Театровед
Виталий Вульф
хорошо
известен
телезрителям
как ведущий
передачи
«Серебряный
шар»,
посвященной
людям
искусства.
Наверняка
многим
запомнилась
и последняя
передача этого
цикла —
о Татьяне
Дорониной.**

**Виталий
ВУЛЬФ:**

«Никакая «Правда» не убедит меня в том, что Дорониная занимается политикой»

— Подозреваю, за рамками ваших передач часто остается что-то интересное...

— Да. Вот и эта передача по метражу была сделана как бы на две серии — однако это не положено, нужно укладываться в сорок минут. И, к сожалению, меня не было в Москве, когда она монтировалась...

— А в чем смысл названия — «Серебряный шар»?

— Объяснить это нельзя. Вот был Серебряный век... Это передача как бы об уникальном, об очень личностном в искусстве. И «Серебряный шар» — шар, который то ли прилетел из космоса, то ли уходит в космос. Как бы символика уникального в искусстве. А о Дорониной у меня была очень сложная передача, потому что я очень люблю Татьяну Васильевну и был большим почитателем ее таланта всегда.

— Вы любите ее ту или?..

— Я не разделяю ее на ту и эту. Мне кажется, что это разделение глубоко неверно. И поэтому я немножко огорчен, что последняя часть передачи оказалась очень сжатой, спрессованной. Выпало все то, что я говорил о МХАТе имени Горького, выпала тема ее невероятной трудоспособности, того, как она взвалила на себя художественное руко-

водство. Она в сущности работает одна, потому что у нее заведующего литературной частью нет, директора нет, режиссеров настоящих нет. Она в сущности в полном вакууме и одиночестве, и это очень тяжело. Тем более женщине такого таланта, тем более, что она не готовилась никогда к тому, чтобы быть художественным руководителем, режиссером. И вот при монтаже все это выпало.

Я не знаю, кого можно поставить рядом с Дорониной по масштабам ее дарования. А последнее время... Я посмотрел, например, спектакль «Старая актриса на роль жены Достоевского» в постановке Романа Виктюка — она играет замечательно! А потом я пошел смотреть «Макбет». Ставил Белякович, и она играла леди Макбет. И это неудача. А когда она играет «Вишневый сад», «Лес» и ставит сама, я скажу вам откровенно: я боюсь идти. Потому что это ее роли, и она должна играть их виртуозно, но я убежден, что человек не может и ставить, и сам играть. И я искренне боюсь идти — боюсь видеть неудачу.

— Предпочитаете обходить лужи?

— Я никогда ни в чем не принимаю участия, политикой не занимаюсь. Но вот, например, газета «Правда» по поводу этой моей передачи

опубликовала заметку под названием «Политический фарс на первом канале».

— Что там написано? Я не читаю эту газету.

— И я тоже — мне просто по телефону сообщили. Я даже сказал: не надо мне читать. Назвать мое выступление политическим фарсом? В этой передаче политики не было никакой. Была даже сказана фраза: я не касаюсь политических симпатий Татьяны Васильевны Дорониной, это не предмет моего исследования. Во-первых, я их не знаю и не хочу знать. Во-вторых, зная Татьяну Васильевну 16 лет, — что бы мне кто ни говорил — знаю, что она не политик. Ее консерватизм, ее тоска по прошлой жизни связаны прежде всего с тем, что она оказалась в полном одиночестве. И разве можно было пережить эту историю с Союзом театральных деятелей? Ее избрали председателем актерской секции лет восемь назад. И выборы посчитали недействительными — ее заменили Толубеевым. Как? Почему? Ее же избрали...

И когда произошло разделение МХАТа, довольно была сложная ситуация. Дорониная не попала в ефремовскую группу в сущности только по той причине, что когда Ефремов определил круг людей, которые ему как бы не нужны и которые попадают во вто-

рую половину театра, ясно было, что кто-то должен возглавить это. И самое крупное имя в той группе была Дорониная. Насколько я понимаю, она не сразу согласилась.

И оказалось, что режиссеров нет. А завлитом она взяла Бондаренко, человека с довольно определенной политической ориентацией. Его взгляды можно прочесть в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия» — они настолько определенны, что я не собираюсь о них говорить. Он довольно долго прокрутился завлитом театра, что не способствовало авторитетности Дорониной в театральной среде. Но когда она сама рассталась с ним, этого уже никто не заметил.

И с ней все время происходит такой момент: когда все негативное замечают, а другого рода шаги нет. У нее тоже есть своя определенная правда. Она человек, который, как я понимаю, никак не может примириться с новыми условиями жизни. Но в карете прошлого далеко не уедешь, и она оказалась в этом положении.

Труппа очень молодая. Судя по спектаклю, который я видел, «Французский квартал» по пьесе Уильямса, она много поработала с актерами, а целого не было. Чтобы играть Уильямса, надо иметь привлекательность, физическую притягательность, сексуальную, романтическую. Когда сама Татьяна Васильевна играла в «Кошке на раскален-

бавить положение, когда театральные критики сделали ее символом правого толка, когда ей приписывают национализм, — а в это я вообще не верю.

После передачи у меня дома сутки раскаленный телефон, и я чувствую, как люди иначе стали на нее смотреть, идет такой медленный геологический сдвиг. Но вот эта заметка в «Правде» — ее как бы снова хотя бы вовлечь в политику. А она не политик. Она переживает огромную драму.

— Ее подставили, но она и сама подставляется.

— Она подставляется, но это, знаете, чисто актерский характер. Актеры — люди, которых несет, очень возбудимые. Логики в актерских поступках искать никогда нельзя. В специфике этой профессии есть много летучего, неосознанного.

И именно поэтому я так кончил передачу: «Я хочу, чтобы пришел режиссер и сказал: «Татьяна Васильевна, пойдете репетировать». Потому что возможности ее велики.

Я вам открою такой секрет: я сейчас из Америки привез пьесу на двух человек. Она называется «Кейкуок», пьеса о любви писательницы Лилиан Хеллман и ее возлюбленного. Ему в первом акте 29 лет, в последнем 49. Героине в первом акте за 50, в последнем за 70. Это дорониная роль. Когда я кончу переводить эту пьесу, хочу, чтобы она ее прочла.

— Вы меня опередили: как раз хотел спросить, какую бы вы ей роль предложили, если бы были режиссером?..

— Я вчера разговаривал с Гончаровым и спросил его: «А вот вы бы поставили для нее спектакль? Хотите, я дам вам «Кейкуок»? Может быть, Татьяна Васильевна понравится...» Он сказал: «Да!»

— А она к нему пойдет?

— Она к нему, может, и не пойдет, но он может прийти и поставить у нее в театре.

Она не из тех людей, к которым можно применить слово «помочь» — она помогает себе сама. Но человек в искусстве не может жить один и за все отвечать один. Можно ее любить, можно не любить, но она труженица фантастическая, работает с утра до ночи. Я никогда не забуду, как Товстоногов мне сказал: «Как работала Таня, так не работает никто». У нее жизнь — это сцена.

И меня никакая «Правда» не убедит в том, что она занимается политикой. Она может высказывать иногда женские такие глупости: ну, вот ей кажется, что при зарплате в 85 рублей можно было пойти в «Елисеевский»... Так ей сегодня кажется — ну и что? Применительно к ней нельзя говорить: черное — белое. Речь об объяснении сложного феномена, в котором очень много разных противоречивых качеств. И я пытаюсь этот феномен рассматривать со знаком «плюс».

И при всех купюрах я доволен, что прошла эта передача, потому что она, безусловно, всколыхнула интерес к Дорониной не как к политической фигуре, а как к художнику, как к актрисе с драматической судьбой. И мне хочется надеяться, что я все равно увижу Доронинову на уровне тех ролей, которые она играла прежде.

**Беседовал
Алексей ЕРОХИН.**